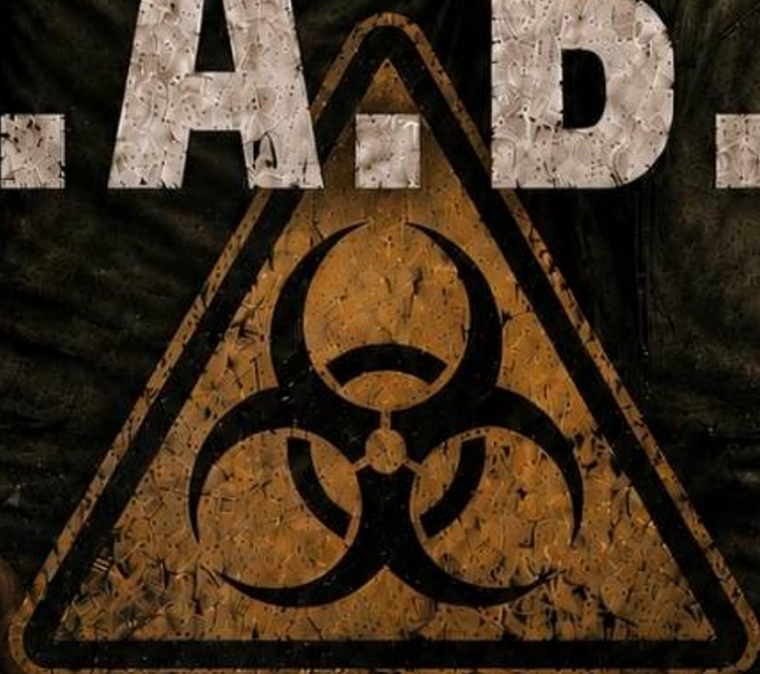

ИРИНА
АЛЬШАЕВА

ТАБУ

18+

Ирина Альшаева

Т.А.Б.У.

«Автор»

2026

Альшаева И.

Т.А.Б.У. / И. Альшаева — «Автор», 2026

Журналист Ника Аксёнова отправляется в зону СВО для съёмок документального фильма о боях на Харьковском направлении. Но — попадает в плен к боевикам националистического формирования «Русский корпус сопротивления». Её судьба оказывается в руках командира этого подразделения с позывным Рагнар. И — вместо расправы, которой жаждет его заместитель и ожидает Ника, он позволяет ей остаться в лагере. Она становится свидетелем того, что скрывается в стенах медицинского крыла Корпуса от всего мира: очередного изощрённого преступления против человечества. Отныне её миссия — выжить, выбраться отсюда и публично разоблачить заказчиков и создателей этой сумасшедшей жестокости. Ника и Рагнар становятся заложниками ситуации, в которой всё не то, чем кажется: они вынуждены играть каждый в свою игру. Всё — не то, кроме так не вовремя распутившихся эдельвейсов в их прежде одинаково холодных сердцах.

© Альшаева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Ей идёт вообще всё	6
Глава 2. Ну ты, Сава, и...	10
Глава 3. Сирин	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ирина Альшаева

Т.А.Б.У.

От автора

Как свидетельствует сама история, за фасадом амбициозных научных и оборонных проектов нередко скрывается нечто противоположное заявленным целям. Обещания защиты, прогресса, новых возможностей слишком часто оборачиваются угрозой, от которой нет спасения. Этот роман — об этом. Его сюжет основан на документальных фактах, которые в последние годы стали достоянием общественности.

В 1972 году 189 стран, в том числе СССР и США, подписали Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия. Однако в 2001 году США отказались принимать протокол к конвенции, предусматривающий механизмы взаимного контроля, в результате чего проверить её исполнение Вашингтоном не представляется возможным.

С 1991 года США создали на Украине более 50 лабораторий, где под контролем Пентагона проводились засекреченные исследования опасных патогенов, включая возбудителей сибирской язвы, чумы, холеры, туляремии и лихорадки Эбола. Российские военные неоднократно заявляли, что финансирование США украинских проектов совпадает со всплеском инфекционных заболеваний в Донбассе. В распоряжении российского военного ведомства оказались документы, подтверждающие, что все высокорисковые исследования в украинских биологических лабораториях проводились под руководством специалистов из США. Более того, зафиксированы факты испытаний биопрепаратов на людях — в частности, на пациентах психиатрической клиники под Харьковом в 2019–2021 годах.

Не отстаёт от США и Великобритания. Следственный комитет России располагает данными о разработке оружия массового поражения с участием Минздрава Украины при финансовой поддержке США. По оценкам российских учёных и военных, Великобритания изучает вирусы, способные вызвать пандемию, создаёт новые вакцины — что может являться прикрытием для разработки Лондоном биологического оружия. Украина превратилась в полигон, где западные корпорации и военные ведомства испытывают свои разработки — в том числе на гражданском населении.

Автор, обращаясь в романе к этой теме, преследует цель напомнить миру о недопустимости подобных действий и их катастрофических последствиях. Любые совпадения с реально существующими людьми, а также с реальными историческими, политическими или военными событиями случайны. Упоминания реально существующих стран, городов, военных конфликтов и государственных структур использованы исключительно для создания художественного фона и не означают, что описанные в книге события или действия персонажей имели место в действительности. Автор не ставил целью очернить или оправдать какие-либо политические силы, армии, правительства, спецслужбы или коммерческие организации. Все выводы о моральной стороне событий — сугубо авторская позиция, выраженная художественными средствами.

Глава 1. Ей идёт вообще всё

Солнечный луч, пробившись сквозь неплотно задёрнутые гардины, зажгёт в молнии раскрытой спортивной сумки золотую искру. Она отразилась от светлой стены и зайчиком прыгнула на нос дремлющему на пустой книжной полке коту. Он чихнул, заслонил мордочку лапой и приоткрыл медовый глаз.

— Теперь всё на месте! — зашла в комнату Ника и положила в сумку накамерный свет. — Корм! — вскрикнула она. — Ларик, выходи, толстяк мохнатый!

— Мяф! — раздалось сверху. Лиловый вислоухий британец, потягиваясь, одним глазом следил за сборами хозяйки, а другим всё ещё дремал.

— Ты здесь, морда, — просопела Ника, пытаясь застегнуть до конца молнию на пухлом бауле. — Уезжаю на неделю. Насыплю тебе корм, а мама придёт проведать — не пропадёшь.

Кот заурчал, выставив пушистое пузо. Ника чмокнула его в макушку:

— Ай, лоток же! — закатила девушка глаза. Кот мягко спрыгнул с полки и юркнул мимо неё к миске. — Почему всё всегда делается в дверях, прямо перед выходом? — зашла Ника в ванную и включила воду. Едва она поставила чистый лоток на место, как лежащий на стиральной машинке телефон тренькнул уведомлением. Девушка прыгнула в кухню, управилась с кормом, поцеловала Ларика в умную макушку, подхватила сумку и показала себе в зеркало язык. Телефон пиликнул снова.

«Я подъехал», — прочитала Ника и повернула ключ в замке входной двери, отметив, что пора бы и снять с неё рождественский венок.

Журналисты Ника и Ник — Вероника и Никита — работали вместе не первый год, сейчас — на телеканале «Вектор» в Останкино. Прошли, что называется, Крым и Рим и вот отправлялись в очередную авантюру — снимать документальный фильм о боях на Харьковском направлении. Ведь ситуация там с начала СВО до мая 2023 года прошла уже через несколько ключевых этапов. В первые дни спецоперации российские войска начали наступление на Харьков, но украинским силам удалось остановить продвижение тяжёлой техники на окраинах города. Харьков и область подверглись массированным обстрелам. Весной и летом 2022 года российские военные закрепились в значительная часть области. А в сентябре ВСУ попытались провести контрнаступление на Харьковском направлении и заняли Изюм, Купянск, Балаклею и Волчанск. Линия фронта выстроилась вдоль восточных и северных границ области – ожесточённое противостояние продолжилось.

Ника еле выбила эту командировку у начальства: оно, несмотря на её более чем весомые аргументы в пользу проекта, будто не желало ни рисковать, ни тратить бюджет канала, ни выделять вечерний прайм-тайм под трансляцию нового фильма. Впрочем, девушке казалось, что дело было совсем не в этом, а шеф-редактор дирекции документальных проектов Савелий Юрьевич Зорин кристально понимал выгоду этой затеи С горем пополам, но спустя три месяца приказ о командировке был подписан. Правда, с оговоркой.

— Бронефургоны нашего канала стабильно — «за ленточкой», легковушек с трудом хватает на съёмки по Москве и области, — развёл руками Зорин, смотря на Нику, читающую приказ. — Инициативные такие? Так отправляйтесь, пожалуйста, своим ходом. Ай-яй! Может, не поедете? — махнул он рукой, переводя взгляд на Ника.

— Поедем. На моей «Буханке». Как и в прошлый раз, — нахмурился Ник, бросив взгляд на подписывающую приказ Нику. — Аппаратура-то хоть есть? Или мне и снимать на свою?

— Не горячись. Комплект бери, — кивнул редактор, суетливо наводя порядок на своём столе. — И это, сними нормально! Нику слушай, она мне своим сценарием, вон, все чаты заполонила, пришлось читать! Ну, там всё годно, по режиссуре. И картинка должна быть огонь,

понял меня? — хлопнул он по столу. Ник вздохнул, как будто сдерживая из последних сил слова во рту. Ника дёрнула его за рукав.

— Савелий Юрьевич, не перегибайте, — отдала она Нику бумаги на подпись и присвистнула, — сегодня снимаем для нашего канала, а завтра Давайте все будем тише, в общем.

— Так давайте, давайте! Ну, не могу я вас отправить на редакционной со всеми прибабасами! А картинка — зачастил редактор, но девушка сделала круговой жест рукой и направилась к выходу из кабинета, тронув за плечо Ника. Зорин хотел возмутиться, но крикнул и закрыл рот: дел-то он с этой командировкой наворотил

— И где ты встал? — осмотрела Ника двор с крыльца своего подъезда. — А, вижу тебя! — крикнула она Нику, сидящему на скамейке за пышным кустом дикой розы.

— Конфеты от укачивания взяла? — засмеялся он не зло, подошёл к девушке и взял её сумку. — Идём, я за углом припарковался, тут у вас не проехать.

Ник пошёл вперёд по тропинке под домом, Ника — за ним, вдыхая изо всех сил несущийся отовсюду густой, чуть дурманящий аромат только-только набравшей цвета сирени. В этом году зимние морозы долго били весну: настоящее тепло пришло в Москву только на исходе мая.

— А ты не гони, особенно по ямам, и пилюли не понадобятся, — остановилась Ника и притянула к себе лиловую гроздь. — Ник, а мне идут цветы? — спросила она неожиданно даже для себя. Он обернулся, задержал на ней взгляд и сказал то, что давно хотел сказать

— Тебе идёт вообще всё. И цветы, и АК, и «пиксель», и платья, и берцы, и каблуки, и БТР, и мотоцикл, и конь! — вдохновился Ник. — Ладно, пошли, мы должны были выехать уже полчаса как! — перебил он сам себя, смутившись.

— А ты чего, не в духе? — улыбнулась Ника, отпустив ветку.

— Я всегда в духе, — закинул Ник её сумку в свой УАЗик и хлопнул дверцей. — План у нас, значит, такой, — закурил он. — Заедем в Белгород, там пересечёмся с машиной из одного подразделения, сгрузим им гуманитарку. Вон, полно всего от волонтеров, — кивнул Ник на машину. — Или как лучше? Нам же всё равно придётся кататься из-под Белгорода в Харьков и около?

— Давай сразу заедем, не понятно, как съёмки пойдут и будем ли мотаться. Может быть, будет проще ночевать в полях, чем тащиться в гостишку, — сняла Ника рюкзак с плеча и запрыгнула на переднее сидение.

До Белгородской области доехали гладко, всего раз сменив друг друга за рулём. Но — почти молча: Ник всем своим видом показывал, что его лучше не трогать. Ника и не трогала Ну, только чуть.

— Ты опять поругался со своей очередной девой? Или не позавтракал? — прищурилась она на напарника в зеркало заднего вида.

— Да чёрт меня дёрнул с тобой вообще связаться, проекты у тебя один забористее другого! Вот, докатились и до корявой командировки — едем на войну в консервной банке. Но лучше со мной, чем с кем-то, — миролюбиво улыбнулся Ник в зеркало. Ника послала ему воздушный поцелуй и отвернулась.

В Белгород въехали глубокой ночью: Нику сморил сон, а Ник свернул с трассы на тёмную заправку и вышел из машины и включил фонарик. Свет выхватил из смолистой тьмы оплавленный джип, дальше — побитую витрину магазина. Молодой человек опустил фонарик, шумно вдохнул и запрокинул голову.

— Сколько тут звёзд! В Москве такого не увидишь, — сложил он квадратом пальцы и поднёс «кадр» к глазу.

— Ник, чего стоим? — позвала его Ника. — Мы где вообще?

— На обстрелянной заправке в Белгороде, ждём машину из подразделения, — повернулся он к ней и сунул руки в карманы. — Смотри, сколько тут звёзд! И Млечный путь вон, и Большая медведица, — вновь поднял голову парень.

— Малая это, — вышла Ника из машины. — А вон — Сириус, — прошептала она и вздрогнула от гудка. Заправка озарилась светом фар подъехавшей «Газели».

— Во, наконец-то приехали, — потёр руки Ник и пошёл разбираться с гуманитаркой. А Ника, вопреки своему желанию поучаствовать в этом деле, застыла под антрацитовым, почти не тронутым городской засветкой небом, ища на нём созвездия.

— Звезда упала, — сказала она чуть слышно, заметив белёсый росчерк. — Конечно, не «звезда» и не «упала» — так сгорают метеоры, но не буду мудрствовать, — закрыла Ника глаза. Загадав желание, она обернулась: несколько человек переносили из «Буханки» в «Газель» коробки. Девушка пошла к ним, но путь ей преградил человек в балаклаве.

— Не поздно гуляете? — пробасил он.

— Я из этого самого УАЗика, — посмотрела Ника за его плечо.

— А! А я ж подумал, вам помощь какая нужна, — веселее сказал мужчина.

— Может, вам нужна? Могу помочь коробки перетащить, — шагнула вперёд девушка и чуть не налетела на Ника.

— Всё, командир, загрузили вас! Мы поедem, — козырнул он.

— От души спасибо, ребят! Дальше вы за ленточку, да? Так давайте сопроводим — с нами проедете быстро! — военный свистнул, показал знак своим и пошёл к «Газели». Ник подтолкнул Нику к «Буханке».

Поехали. Через тревожный Белгород — к границе. Ника снимала побитые прилётами дома, дороги, сгоревшие машины, поваленные деревья — в свете рыжих фонарей этот пейзаж, к тому же, напрочь безлюдный, отдавал апокалипсисом. На удивление, в городе и, вероятно, области, было тихо — редкая ночь обходилась здесь без обстрелов и налётов дронов. Ника не понаслышке знала об этом: за прошедший с начала СВО год она несколько раз бывала на Белгородчине в командировках. ВСУ за 12 месяцев конфликта 2 276 раз обстреляли Белгородскую область из РСЗО и около 400 раз атаковали её дронами. В результате погибли 30 мирных жителей, 123 человека получили ранения различной степени тяжести. Атаки привели к масштабным разрушениям: повреждения получили или были полностью разрушены почти 4 000 домов, 57 школ и детских садов, а также 636 объектов энергетической инфраструктуры.

Ника сделала не один аналитический репортаж о жизни по факту — фронтовой, но в нормативно-правовом поле — неизменно мирной территории. И в каждом акцентировалась на необходимости ввода не только в Белгородской, но и в Курской, и Брянской областях, также страдающих от действий украинской армии, военного положения: действующий в них с начала СВО «жёлтый» уровень террористической угрозы вовсе не соответствовал разворачивающейся реальности.

Дело в том, что происходящее в приграничье — не террор. Эти события стали практически идентичны ситуации в ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областях, присоединившихся к России в сентябре 2022 года. И там — боевые действия признаются «боевыми», режим соответствует ситуации — введено военное положение, а пострадавшим от боевых действий гражданам положены и сертификаты на приобретение жилья взамен разрушенного, и — конкретная компенсация за жильё утраченное или повреждённое. А проблемы жителей приграничья связаны с проблемой его правового статуса: граждане не имеют и не могут иметь при действии того же «жёлтого» уровня статуса «пострадавших от боевых действий». Страдают-то они именно от «боевых» факторов, а получают как за наводнение или пожар. Только масштабы ущерба имуществу от тех же ЧС природного характера нельзя сравнивать с ущербом от обстрела населённого пункта из ствольной артиллерии или РСЗО. Или от ежедневных прилётов дронов и ракет, или осколков от сбитых дронов и ракет.

Именно агрессия разворачивается в приграничье: согласно резолюции Генассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года она определяется как применение вооружённой силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства. Согласно же статье третьей ФЗ «О военном положении», актами агрессии против России, независимо от объявления войны, признаются, кроме прочего: вторжение или нападение иностранных вооружённых сил; бомбардировка нашей территории или применение любого оружия против неё; нападение чьих-либо ВС на наши независимо от места их дислокации; позволение одного государства другому использовать его территорию для агрессии в адрес нашей страны. А Международное гуманитарное право строго запрещает атаки гражданских объектов, требуя чётко отличать их от военных целей. Удары по жилым домам, школам, больницам этот документ квалифицирует как военные преступления. В УК РФ же подобное карается статьёй 361 «Мародерство, применение запрещённых методов, геноцид».

Естественно, военное положение не отменит обстрелы ВСУ и налёты дронов, но главное — с его вводом в приграничных регионах появилась бы военная администрация, подчиняющая все местные власти. И опыт военно-гражданских администраций в Запорожской и Херсонской областях показал, что во время прямых и масштабных боевых действий военные, а не гражданские, должны управлять территорией, на которой именно от военных действий гибнут и калечатся мирные граждане.

Но боевые действия в приграничье продолжались, а на военное положение оно так и не переходило. На приграничном КПП не оказалось ни очереди, ни проблем. Убедившись в этом, военные пожелали Нику и Нике доброго пути и оставили их.

— Вот мы и за границей, так сказать, — протянул Ник, проехав пару десятков километров в сторону Харькова. — Шесть утра, а уже какое солнце! — поморщился он, опустив козырёк на лобовом стекле. — Сейчас — на первое место съёмки, в Андреевку? Отснимемся — предлагаю поспать.

— Да, туда. Ник, потерпи, пожалуйста, — попросила Ника, повернувшись к нему. — Поспим, главное не опоздать, нас ждут к восьми часам, — уперлась она затылком в спинку кресла.

— До Андреевки и ехать нечего, часа полтора неспешным ходом и будем там, — стукнул Ник пальцем по навигатору, упрямо уводившему дорогу в зелёную пустоту. Его слова повисли в воздухе, став последними в старой, привычной жизни: под «Буханкой» с рёвом вздыбилась дорога. Машину кинуло в сторону, она закрутилась, ударилась правым бортом о дерево и застыла. Ника неестественно вывернулась в своём кресле — подушки безопасности не сработали, если вообще были.

— Никита, — двинула девушка побелевшими губами, пытаясь пошевелиться и дотронуться до него, но тело не слушалось её: вся правая сторона горела болью, а глаза заволакивала чёрная пелена. Она моргала, силясь прогнать её, и пятнами видела безразличный солнечный луч, высвечивающий клубящийся из-под капота дым. В осколке зеркала рассмотрела Никиту: он неподвижно лежал грудью на руле, и тонкая струйка крови сочилась из-под его чёрных волос. Ника мотнула головой и согнулась в тут же накатившем приступе тошноты. Она захрипела, пытаясь вдохнуть — гаснущее сознание подкинуло идею открыть покорёженную дверь. Девушка нащупала ручку, но не смогла совладать с ней. Она провалилась в липкий омут забвения, остатком зрения успев различить среди пышной листвы человека в камуфляже, бегущего к «Буханке».

Глава 2. Ну ты, Сава, и...

Зорин стоял у окна своего кабинета, пытаясь развязать галстук. Пальцы немели и плохо слушались, дышать становилось всё труднее, подступала дурнота: он хотел пить. И — бежать куда подальше. Но вместо этого прислонился пульсирующим лбом к оконному стеклу, не успевшему ещё раскалиться жаром восходящего дня, и бездумно смотрел на красные козырьки кафе, думая о том, что было бы неплохо прилечь. Савелий отвернулся от окна, рассматривая диван потёртой бордовой кожи у противоположной стены. Поднял глаза на висящую над ним карту мира, утыканную разноцветными булавками и вспомнил свой прошлогодний отпуск в Куршевеле. Он лихо закладывал повороты, чувствуя себя повелителем склонов, как заметил группу юных лыжников, следующих за инструктором. Желая блеснуть мастерством, Зорин попытался изящно обойти их, но правая лыжа подвела — полетел кубарем, собирая снег за шиворот! Дети захохотали, а одна девочка подошла к нему, махнула рукой на указатель, прищурилась и сказала: «Вам бы на зелёный склон, дядя. Там ровненько!»

— Вот из таких беспардонных и вырастают Аксёновы! — буркнул он, держась за подоконник.

— Какого дьявола здесь творится! — вздрогнул он от крика за дверью. Она с силой распахнулась — в кабинет влетел генеральный директор «Вектора» Аполлон Красов.

— Тише, — почти взмолился Зорин, хватаясь за правый висок.

— Ты — сядешь! И я вместе с тобой! — подскочил Аполлон к нему и схватил за растянутый галстук, болтающийся удавкой. — Это немыслимое происшествие! Кто за меня подписал приказ о командировке Аксёновой и Горина?! Почему я вообще не в курсе, что мои люди за каким-то лядом поехали под Харьков, да ещё и с голым задом! Я запретил отправлять туда группы из Москвы! В Белгороде есть корпункт «Вектора», есть, в конце концов, стримеры! Сава! — взревел Красов.

— Я подписал. И за себя, и за вас, — выдохнул Савелий, пытаясь высвободиться из крепкой хватки начальника. Тот внезапно разжал пальцы.

— Что имеем? Ты обходишь моё распоряжение, левой пяткой оформляешь командировку моим лучшим, Сава, лучшим журналистам! Но — не даёшь им броневурдон. Зная, что он стоит в гараже канала! Да ты ребятам даже страховки не оформил! Правильно — без моего ведома это бы всё не прокатило. А эти олухи согласились! — хлопнул в ладони гендиректор и закрыл ими рот.

— Да они мне все пороги обили. Рвались этот фильм снимать! Ника вообще страх потеряла. Сыпет мне ультиматумы, мол, ей всё равно, для кого снимать — её любой канал возьмёт! В том-то и дело, что любой, понимаете? А нам самим такая корова нужна, — хмыкнул Зорин, ковырнув носком ботинка давно вздыбившийся под батареей линолеум.

— Они сами. Bravo! Вот так в прокуратуре и объяснишь, — прошипел Аполлон. — Считаю, что ты сам сейчас пришёл ко мне с заявлением по собственному. Да тебя по статье нужно вышвырнуть — чтоб не взяли даже в захолустную стенгазету! — выпалил он и сел в кресло Зорина. — Что о них известно?

— Ник в Белгородской областной больнице, кома. Врачи гарантий не дают: он весь перебитый, ну, машина по левому борту раскурочена. Ники нет, — прогнусавил Зорин, замолчал и открыл окно. Красов смотрел на него в упор, крутя в пальцах карандаш.

— Ники нет, — повторил он тихо, кинув карандаш на стол.

— Они подорвались, отъехав от границы километров 20 в сторону Харькова. Там устроили засаду диверсанты, ждали войсковую машину снабжения, а проехали вот наши Силовики и военные, подоспели, но боевики уже обчистили машину, забрали Нику, стали отходить. Ну, наши положили троих, но группа была больше, прикрывались Никой. Огонь по ним решили не

открывать — иначе убрали бы и её, наверняка. Где эти уроды кучкуются — хрен разберёшь, но ФСБ занята поисками Ники, — Зорин снял наконец галстук и швырнул его на подоконник.

— Естественно, занята! Потому что это скандал не только для нас, но и для силовиков, понимаешь, да? Документалист федерального телеканала Вероника Аксёнова, которую каждая вошь знает — в плену у украинских диверсантов! — вытер лоб Аполлон. — Дальше я хочу получать подробности лично, а не через тебя. Всех направлять ко мне — силовиков, врачей. Да ты понимаешь, что они на 90 процентов — трупы, и только на 10 — наоборот! Ты понимаешь, сколько может стоить одна подделанная подпись?! Так объясни мне, за каким чёртом ты их туда отправил?! Кроме версии о том, что «Вектору» невозможно нужен этот фильм. Не нужен! — грохнул Красов кулаком по столу.

— Изначально я был против, — начал Зорин, но прикусил язык. Он не был готов озвучить Красову реальную причину, посвятить его в свои дела, связанные с одним местечком под Харьковым и некоторыми людьми. — Ника, она же активная, любознательная, громкая, такие вечно во что-то влезают. И фургон не дал — думал, на своей «Буханке» Горин не поедет! — затараторил он, пытаясь отвлечь Аполлона от паузы. — А потом понял: они привезут бомбический эксклюзив. Я засиделся в маленьких начальниках, это мой шанс! — разошёлся Зорин.

— А. Так ты хотел на фильме выехать. Типа какой ты продуктивный шеф. Ну да, да, — ухмыльнулся Красов. — На моё место метишь? — спросил он ровно, сложив руки на груди.

— На аналогичную должность. Но — на другом канале, — отзеркалил Савелий его жест.

— Ну, ты, Сава, и, — не смог Аполлон выговорить слово, опёрся локтями на стол и, не моргая, уставился в окно, из которого в кабинет врывался бой курантов вперемешку с нескончаемым гулом автострады.

Глава 3. Сирина

Ладья, привязанная растрёпанной верёвкой к скорбящей на берегу осине, едва покачивалась в тихой воде, всё глубже убаюкивая лежащую в ней Нику. Её каштановые локоны, сложенные на груди руки, складки кипенно-белого савана были недвижны, а фарфоровое лицо — безмятежно и чисто: она утопала в омуте вечной неги.

— Вероника! — наполнилась гортанным криком немая заводь. На планширь ладьи, звонко хлопая саженными крыльями, села иссиня-чёрная холёная птица с девым ликом. — Всеми свой срок. И жизни, и смерти. Вне срока всюду хода нет!

В небе громынуло: высь содрогнулась и озарилась фиолетовой вспышкой. Ника вздрогнула и повела головой — с её глаз упали и гулко покатались по пайоле ладьи медные монеты, но размежить веки девушка не смогла.

— Я — Сирина из Светлого Ирия. Посланица, вестница, хранительница границ! Вне срока ты здесь — забрать тебя не смею! Меж мирами стоишь, ни в Правь, ни в Навь В Яви место тебе, да не вернуться за так. Вспомни то, от чего истинно возлюбишь грядущие дни! — ударила Сирина крыльями по бортам, и тихая река забурлила, клопоча.

Нике закрутило в калейдоскопе воспоминаний. Лицо матери, склонившейся над кроватью, солнечные зайчики на парте, лай собаки, вкус клубничного мороженого, первая школьная любовь. Сознание воспылало множеством пёстрых, радостных искр, они кружились в хороводе, обещая вечность. Но погасли в миг. Из чёрной глубины, оставшейся после них, выплыл белёсый шар, пульсирующий, как больное сердце. Он вспыхнул ослепительным, режущим светом — и рассеялся, оставив после себя лишь один, чёткий, как удар хлыста, кадр.

Ника увидела высоченные сосны, подпирающие небо, вьющуюся между ними пыльную дорогу, старый школьный автобус, дребезжащий на ухабах, и — себя в нём. Маленькую, с косичками, в клетчатом платье. Это был её девятый день рождения, в который она с одноклассниками отправилась в лесной школьный лагерь. Они весело орали дурацкую песню про антоновку, как вдруг автобус закрутился на скользкой от росы трассе и опрокинулся на бок — часть его повисла над пропастью. Окно, под которым сидела Ника, лопнуло и вылетело наружу, разбившись о камни. Девочка зависла над хищной бездной, вцепившись слабыми, поцарапанными руками в острый край пустого оконного проёма. Пальцы скользили по рваному металлу, под ногами зияла пустота. Она смотрела вниз и видела, как ветер играет кронами таких далёких деревьев. «Мама», — двинула она губами, чувствуя, как силы оставляют её. Пальцы разжались.

Очнувшись Ника на холодной каталке в сизом, больничном коридоре, пропахшем хлоркой и тоской. Рядом, на шатком стуле, сидела мама. Девочка сперва приняла её за бабушку — голову прежде цветущей женщины в один миг припорошила зима.

— Вернулась тогда — возвращайся и сейчас! — вырвала Сирина Нике из прошлого, поднимаясь над ладьёй. — Большие дела на судьбе твоей написаны, Вероника. Не смей их перечёркивать! — рокотала она, уносясь в сиреневую даль.

«Вот это примерещилось!» — поморщилась Ника, открыв глаза: тьма, царившая в забытых, сменилась полумраком тесной комнаты. Девушка разглядела мутное окошко в стене из брёвен и ощутила, что лежит на чём-то твёрдом и колючем. За окном кто-то тяжело ходил.

— Что делать? А зачем притащили?! У нас юнитов пока достаточно. Нет, он не говорил так. Ну, теперь пусть сам решает. Лежит, да. Да куда денется, даже ползать не может, — услышала Ника и вскрикнула от неожиданной боли, пронзившей её в неловкой попытке сесть. Она не сообразила даже, что болит сильнее — рёбра или висок, к которому будто бы приложили раскалённое тавро.

— Оклемалась, что ли? Ну, ты курица, как мы поняли, важного полёта, — зашёл говоривший в клеть. — Журналист, значит. Знаешь много, значит. Мозги есть, значит?! — под-

скочил он к девушке и схватил за волосы, притянув к себе. — Не я тебя из той машины выковырял, я бы там пристрелил. Будь ты хоть медичкой, ещё какой-то от тебя толк бы был. Хотя, за тебя можно и денег срубить у твоих А ну, как ты реально ещё и что-то для нас полезное знаешь. Знаешь?! — прошипел он, ту же наматывая на кулак её волосы. — Овод, сюда!

Ника молчала, силясь не впиться зубами ему в горло. Впрочем, она и дышала-то с трудом, делая короткие, болезненные вдохи. В клеть зашёл крепкий мужчина с лицом, изъеденным оспинами, что-то сбросил с плеча на пол и принялся пинать их ногами, отодвигая к стене.

— Клещ, отвали от неё. Я говорил с Рагнармом. Он приказал его дожидаться, её не трогать и к юнитам пока не определять. А так-то, она не хрен с горы, ей и мозги просто так не вышибешь. Вон, смотри, в машине что нашли, — кивнул Овод на сумки. — Две камеры, свет, микрофоны, ноутбук Запароленный, но это — пока. Распаролит, аж бегом, ну а если нет, — провёл он большим пальцем поперёк горла. — Вообще, из этого всего можно сделать киностудию. Для всяко-разных фильмов, да? Вероника Владимировна Аксёнова, журналист телеканала а дальше, извините, кровью заляпано, — кинул Овод в неё пресс-карту. — Клещ, её наверно надо чем-то покормить, воды хоть дать. Рагнарм вернётся точно не сегодня, как бы она не крякнулась Тогда и мы — вместе с ней.

«Юниты...какие юниты? Единицы, образцы, предметы — по-русски кого они могут так называть, почему? Что ещё за Рагнар, какие дурацкие имена у них или позывные», — спутанно думала Ника, чуя возвращающуюся тьму, из которой только что вынырнула.

— Да погоди с едой. Она побитая вся, тут, как бы, медицина нужна, — деланно сменил гнев на милость Клещ, погладив её по голове. — Но. Жирно будет, само заживёт, — захохотал он. — Короче, курица — сидишь тут и не кудахчешь, какую-то воду и харч, так и быть, дадим. Но в твоих интересах как раз тихо сдохнуть, чем встретиться с Рагнармом, — припечатал Клещ её к стене, встал и вышел. Овод последовал за ним.

— Где Ник? — выдавила Ника ему вслед.

— Этот, за рулём который? — повернулся Овод. Он знал, что его не трогали — им он не нужен, а добить, хрипящего, времени не хватило. — Да собаки, наверное, растащили. Отдыхай, сладуся, ночь уже, — чмокнул он свою ладонь, показал её Нике и вышел, опустив на дверь скрипучий засов.

— Нет. Не собаки. Не собаки! — бормотала Ника, пытаясь устроиться на топчане, куда её бросил Клещ, но малейшее движение доставляло ей нестерпимую муку: голову, грудь и правое плечо будто жалили тысячи железных ос. Девушка сползла на пол, почти встала на четвереньки, в надежде дотянуться здоровой рукой до кофров с аппаратурой Но упала в сухую траву, густо устилающую земляной пол. «Сирин?» — улыбнулась она, слепнувшими снова глазами различив в стебельках иссиня-чёрное перо. Оно мягко светилось в полумраке, и от него исходило едва уловимое тепло, такое же, как от прикосновения материнской руки в том далёком больничном коридоре. Ника дотянулась к перу пальцами, сжала его в кулаке и провалилась в спасительную, глубокую тьму, где не было боли — только тихий плеск воды и далёкий, утешающий шёпот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.